

Александр Алексеевич Богданов

Эх, Антон!

Александр Богданов

Эх, Антон!

«Public Domain»

1931

Богданов А. А.

Эх, Антон! / А. А. Богданов — «Public Domain», 1931

«Хорошо в августовские дни среди полей впивать ароматную сытость
созревших хлебов. Золотыми шатрами грудятся скирды вдоль дороги.
Поблескивают посевы подсолнечников в зыбком мареве погожего дня. На
высоких и сухих местах спешно заканчивается уборка проса...»

© Богданов А. А., 1931

© Public Domain, 1931

Александр Алексеевич Богданов

Эх, Антон!

(Очерк)

Хорошо в августовские дни среди полей впитать ароматную сытость созревших хлебов. Золотыми шапками грудятся скирды вдоль дороги. Поблескивают посевы подсолнечников в зыбком мареве погожего дня. На высоких и сухих местах спешно заканчивается уборка проса.

Городская извозчицья пролетка все время подпрыгивает по неровной, проселочной дороге, застревает в глубоких колесниках.

Совсем близко слышится стригущий треск жнейки. С нетерпением смотрю, не покажется ли трактор... Нет, напрасно жду! Не ласкает моих глаз сизая, вьющаяся вдали струйка дыма. Правда, в 1925 году трактор еще не везде вошел в деревенский обиход. А город Пенза, откуда я выехал, сильно отстал от других мест, – и в этой отсталости, я думаю, повинна неизжитая еще косность таких пошехонских захолустий, каким не так давно было это помещичье-мещанское гнездо.

Что это действительно так, что Пензенский район отстал от других, вскоре подтвердилось: за плохую работу было смещено пензенское руководство.

Ну что ж, пусть жнейка-лобогрейка вместо серпа, пусть плуг вместо деревянной сохи, но все это сейчас «свое», крестьянское, а не помещичье, как прежде, все это новый бесповоротный этап в истории деревни, и это радует.

Кругом знакомые изъезженные и исхоженные пешком места, и самый край дикого произвола, рабства и позора: на каждом шагу памятники преступлений.

Вот бывшая усадьба предводителя дворянства Гевлича. Не здесь ли в 1895 году свора борзых и гончих охотничьих собак, вырвавшихся из помещичьей псарни, растерзала крестьянскую бабу на дороге в деревню Никифоровку? И такое неслыханное преступление бесследно потонуло в пустыне молчания.

Цель моей поездки попасть в село Спасско-Александровское, Саратовской губернии, где я в начале 90-х годов прошлого столетия, будучи еще юношей-энтузиастом, учительствовал, «сливался с народом», мечтал зажечь пожар революции в стране, да что в стране! – во всем мире!

Через семь-восемь часов тряской езды спускаемся с пригорка к реке Няньге и к селу Александровскому.

Как все переменялось кругом, не узнать! Первое, что бросается в глаза, это железные крыши построек, разбросанных там и сям по всему селу. Меня охватывает волнение. Начинаю считать: «Четырнадцать... пятнадцать...» Зеленые и буро-кирпичные пятна крыш разбросаны беспорядочно, как в мозаике, и я сбиваюсь со счета... Пересчитываю снова: «Семнадцать, восемнадцать...» Опять в глазах рябь. Бросаю считать. Несколькими единицами больше, меньше, – не все ли равно? Главное в том, что сейчас даже облицовка деревни иная, чем прежде. Ведь в 1894 году, когда я здесь учительствовал, по статистике насчитывалось: в селе Спасско-Александровском изб, крытых тесом, – тридцать одна и соломой – сто шестьдесят девять, в деревне Бекетовке – тесом – две и соломой – тридцать шесть, в деревне Смирновке – тесом – семь и соломой – тридцать. О железных крышах никто, кроме, кулаков, не смел и мечтать. На три села всего три дома могли гордиться железными крышами.

Правда, я узнал потом, что село Спасское находилось после революции в особо благоприятных условиях. Во время памятного недорода в Поволжье в 1921 году здесь случайно был хороший урожай.

Въезжаем в улицу. Много новых бревенчатых изб, и среди них кое-где белые – словно выкупанные в молоке – мазанки. На улице цветные пятна молодух и девушек, разукрашенных в желтое, горошковое, синее... И целое море красного, как будто перенесенного из улицы прямо с малявинского полотна. Мужики и парни в сапогах и пиджаках. На площади читальня, и перед ней группа ребят и подростков; идет репетиция комсомольского театрального кружка. Около некоторых изб веялки, словно деревянные птицы, гордо и важно выпятившие грудь. Веселыми переборами звенит гармоника. Везде чувствуется радостное и легкое еще и потому, что праздник, что урожайный год, что так ласков и солнечен день...

Нет отчаявшихся, изнуренных нищетой, прикрытых убогими рубищами и забитых людей, пошатывающихся то ли от ветра, то ли от горькой, злосчастной доли.

А ведь когда-то Спасско-Александровское стояло на грани таких гиблых мест, как Подлиповка в рассказах Решетникова, или село Новоживотинное с деревней Мохобатовкой, где, по статистическому обследованию врача Шингарева, в холодных и голодных избах, куда нужда загоняла крестьян, не могли жить даже тараканы и клопы.

Невольно вспоминаю, что вот здесь тридцать два года тому назад, в один из тоскливых, плачущих осенними слезами дней, я, будучи народным учителем, изливал свое настроение в стихах, заканчивающихся строчками:

С хрипом предсмертным ворота отворятся,
Шлепанье лаптя по грязи послышится...
Это деревня со смертью борется,
Знать, еще жизнь в ее сердце колыхнется.
Осень тоскливая, осень ненастная!..
Холод, туманы, безлюдье унылое...
Шлепают, лапти... И тени ужасные;
Сердце терзают с мучительной силою.

Стихотворение было напечатано потом в ноябрьской книжке «Жизни» (журнал легального марксизма). Но цензор Елагин вычеркнул вышеприведенные восемь строк. В деревнях царской России, по его мнению, не полагалось ни скрипящих ворот, ни шлепающих лаптей, ни тем более того, что наводило бы «тень» на тогдашнюю современность. Редактор В. А. Поссе должен был лично ехать к цензору и только после долгих переговоров, с большим трудом отстоял зачеркнутые красным карандашом злополучные «лапти», «ворота» и «тени».

* * *

Весть о моем приезде молниеносно облетает из избы в избу все село. Особенно всполошилось старое поколение, деды и отцы: одни, участвовавшие в революционном кружке, другие, учившиеся у меня в школе.

Большая горница предсельсовета Герасима Чиркина битком набита народом. Возгласы удивления, объятия.

В горнице чисто прибрано и культурно. На стенах портреты вождей; накрытый скатертью стол заставлен угощениями, тарелками с разной едой, тут же крынка молока. У стены кровать: одеяла, подушки, в пестрых ситцевых наволочках. В углу полка с книгами и газетами. Четыре стула и две длинные скамьи тесно заняты сидящими.

В разговоре и отдельных репликах чередуются, как в калейдоскопе, одно за другим события, лица. Воспоминания прошлого переплетаются с настоящим. Три эпохи проходят перед глазами: жуткая эпоха безвременья 90-х годов; далее годы первой революции, и, наконец, нынешние советские дни. Похоже на то, что происходит при встрече давно не видевшихся

близких друзей: прорвалась большая плотина и со всех сторон наперебой хлынули шумные потоки...

А порассказать есть о чем. В истории нашей революционной борьбы известны крестьянские волнения 1902 года в Саратовской, Харьковской и Полтавской губерниях. Село Спасско-Александровское являлось одним из центров революционного движения в Саратовской губернии.

Это были первые шквалы бунтующей стихии; всколыхнулась изъеденная коростой и болезнями, исхлестанная нагайками, замордованная, опустошенная, изголодавшаяся и ожесточившаяся деревня. В зареве ночных пожаров замаячил грозный лик революции 1905 года.

В архиве Саратовского истпарта сохранилось судебное дело об аграрниках села Спасско-Александровского: братьях Иване и Якове Кагиных, Василии и Иване Гришинух, Гаврилине, Абрамове и других, сидевших в тюрьме и сосланных потом в Архангельскую губернию. Из дознания видно, насколько велика была растерянность тогдашних властей, больших и малых, – землевладельцев, помещиков и кулаков. В донесении губернскому жандармскому управлению от 7 ноября 1902 года ротмистр Якобсон писал:

«Видимо, если допустить существование шайки крестьян, задавшей целью терроризировать землевладельцев постоянными поджогами, то эта шайка должна быть очень многочисленна: землевладельцы, напуганные постоянными поджогами, принимают всевозможные меры к ограждению себя от них; так, например, они держат по несколько человек караульщиков и не тушат огней в помещениях, даже спят не раздеваясь, чтобы во всякое время быть готовыми бежать на пожар. Но несмотря на то, что заподозренные в поджогах лица заключены судебным следователем в Петровскую тюрьму... несмотря на судебное следствие и другие меры властей, поджоги не прекращаются.

Добыть от крестьян какие-либо сведения о поджигателях нет никакой возможности». В селе Спасском «дом, где помещается урядник, сожжен, после чего урядник не мог себе ни у кого из крестьян найти квартиру» (дело 1902 г. № 217).

Жандармские власти не видели, а верней, сознательно не хотели видеть, что дело было не в шайке, а в том, что вся крестьянская масса, весь обездоленный народ не мог дальше сносить нищеты и гнета и поднимался на борьбу.

Начало революционной работы в Спасско-Александровском было положено еще в 1894 году, когда мною был организован первый подпольный кружок. Члены этого кружка, крестьяне Иван Кагин и Федор Вдовин, попали в 1897 году в тюрьму за найденную у них нелегальную литературу: «Пауки и мухи» К. Либкнехта, «Кто чем живет» Дихштейна и др.

Ко мне подходит весь седой – как обомшелый пенёк – старик Игнат, вглядывается слабыми шуршащими глазами и крепко пожимает руку.

– Помнишь меня, Алексеич?.. Я – Игнат...

Игнату семьдесят лет с залишком. Он – единственный из «стариков» революционного кружка, доживший до сегодняшнего дня.

– Ну, как не помнить, – говорю я. – У тебя же в избе собирались читать «Хитрую механику».

– Вот-вот, – смеется добродушно Игнат. Серое лицо его, исковерканное морщинами, приходит в движение. И курни бровей добродушно поднимаются на лоб.

– Меня из-за этой самой «механики» жандармы на допрос тягали... Я говорю, что грамоте, мол, не обучен, азов не разбираю. А жандармский в ответ: «И не надо грамоту разбирать, чтобы против царя бунтовать. Какие книжки в твоей избе читали?» Притворился я непонимающим, вроде Ивана Бесхфамильного... Какие, говорю, книжки?.. Ну, побаски всякие... Еруслана Лазаревича читали... Бову-королевича тоже... Затопал следователь: «Ты, говорит, мужлан, глаза нам пылью не пороши!.. Знаю я, какого Бову-королевича...»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.